08 2004

Общие понятия, часть 2: институциональный анализ, совместное исследование-действие, активистское исследование

Marta Malo de Molina

**Перевод с англ. Александра Скидана
под редакцией Алексея Пензина**

Институциональный анализ

Параллельно с феминистскими группами по повышению сознательности[1] во Франции зародился институциональный анализ. Возник он из «институциональных» педагогики и психотерапии, одновременно являясь их преодолением. Это произошло в разгар мощного общественного подъема и общего кризиса институциональной власти. Согласно институциональному анализу, «институция», или «учреждение», является формой (поначалу скрытой), которую принимают схемы

производства и воспроизводства доминирующих общественных отношений. Кризис институциональной формы обнажил пространство, каковое институциональный анализ и был намерен исследовать. Такого рода анализ начинает с самой институции с целью выявить её материальный базис, её историю и историю её работников, её роль в техническом и социальном разделении труда, её структурные взаимосвязи и т.д. Каким образом? Прежде всего, распознав ложную нейтральность (психо)аналитика или педагога, а также тот факт, что все аналитические либо педагогические проекты подразумевают вмешательство. Во-вторых, высвобождая «социальный мир», коллективное высказывание и «политику» (а точнее, микрополитику) желаний путём вовлечения в процесс анализа всех и каждого членов данной институции. Как пишет в связи с этим Феликс Гваттари:

«Нейтральность – это ловушка: кого-то всегда склоняют к компромиссу. Важно это понимать, чтобы наши вмешательства были как можно менее отчуждающими. Вместо того чтобы осуществлять политику подчинения, идентификации, нормализации, социального контроля, семиотического управления людьми, с которыми мы связаны, можно делать противоположное. Можно выбрать микрополитику, которая состоит в оказании давления, – несмотря на то, что у нас не так уж

много силы, – во имя процесса разотчуждения, освобождения высказывания, используя “уходы”, а точнее “линии ускользания”, по отношению к социальным стратификациям». А также «чтобы разработать аутентичный анализ [...] главной проблемой будет не истолкование, а вмешательство. “Что можно сделать, чтобы изменить это?”»[2].

Но это не единственный способ увязать политику – при помощи институционального анализа – с действием. Учитывая, что его корни уходят в педагогику и психотерапию, этот анализ сосредоточивает внимание на таких учреждениях, как школа и больница (особенно психиатрическая). Однако с самого начала эти учреждения понимаются не как изолированные пространства; напротив, вся институциональная система рассматривается как коммуникация и сочленение с Государством. Такой подход ведёт к прямой взаимосвязи между институциональным анализом и политическим активизмом: во втором случае, когда стабильность институциональной системы оказывается под угрозой, государство всегда прибегает к насилию. Это делает «выявление» или анализ институции невозможным, если только не подразумевает в определённый момент «столкновение» того или иного рода, а также опыт в сильном смысле слова: т.е. испытание действием, активизм.

Несмотря на то что в иных источниках прослеживается склонность исключать Феликса Гваттари в качестве участника институционального движения, этот неортодоксальный и плодовитый мыслитель, аналитик и активист был тем, кто создал сам термин «институциональный анализ». Это произошло где-то на рубеже 1964-1965 годов, на семинаре, посвящённом институциональной психотерапии[3]. Гваттари изобрёл этот термин в силу необходимости отделить новое направление от двух других: с одной стороны, от школы, которую возглавляли Даумезон, Банофе и Ле Гиллан (придумавший выражение «институциональная психотерапия» в конце Второй мировой войны) и которая ограничивала анализ стенами психиатрического учреждения. Эта школа понимала учреждение как изолированную сущность, вне каких-либо связей с обществом в целом, полагая, что можно разотчуждить [de-alienate] общественные отношения внутри больницы, ограничив исследование институциональной территорией самой по себе. С другой стороны, институциональный анализ дистанцировался и от возрастающей специализации психоаналитической практики, передающей всю ответственность исключительно «эксперту» либо группе таковых, обретавших тем самым огромную власть. «Анализ будет полезен лишь тогда, когда он перестанет быть задачей специалиста, отдельно взятого психоаналитика

или даже аналитической команды, что ведёт к формированию властной структуры. Я считаю, что необходимо запустить процесс, который рождается из того, что я назвал *agencement* – взаимодействия по созданию-инстанции-агента, уполномоченного на аналитические высказывания. Это процесс наделения полномочиями [empowerment] состоит не только из индивидов, напротив, он зависит от социальных, экономических, институциональных, микрополитических… воздействий [workings]».[4] В том же русле институциональный анализ будет рассматривать и общественные движения как практики, создающие уполномоченные инстанции привилегированного аналитического высказывания. Примеры подобного рода можно будет найти в феминистском движении и движении «свободного радио».[5]

Практика институционального анализа будет распространяться и питаться опытом журнала «Recherches» и FGERI (Федерации Институциональных Исследований и Групп по Изучению), объединивших группы психиатров, заинтересованных в институциональной терапии, группы преподавателей из движения Фрейне[6], студентов, связанных с опытом BAPU[7], архитекторов, урбанистов, социологов, социальных психологов. Это обогащающее сотрудничество приведёт к инкорпорации двух узловых точек аналитического процесса: с одной стороны, «исследования самого исследования»,

иными словами, анализа, который учитывает «тот факт, что исследователи не могут осмыслить свой предмет иначе как при условии, что они сами организованы и что они задаются вопросами о вещах, которые на первый взгляд не имеют ничего общего с предметом их изучения»[8]; с другой стороны, идеи «трансдисциплинарности» в исследовании, позволяющей устранить ложные проблемы.

Кроме того, именно в этом контексте будут предложены ключевые понятия, инкорпорированные позднее в критические социальные науки: анализатор, институциональный перенос, трансверсальность... В особенности же трансверсальность[i] станет краеугольным понятием анализа: «Анализ, на мой взгляд, состоит в артикуляции-сочленении, в создании сосуществования – а не гомогенизации или унификации, – с целью обеспечить принцип трансверсальности, суметь заставить различные дискурсы сообщаться трансверсально [...], дискурсы разных порядков, а не только общие теоретические дискурсы, равно как и микродискурсы, более или менее зачаточные, на уровне повседневных отношений, взаимодействий с пространством и т.д.».[9]

Не доверяя практике повышения сознательности (и многим положениям марксистской теории и практики), а также задаче вывести латентное

содержание на поверхность сознания, институциональный анализ – во многом благодаря своей укоренённости в психотерапии и педагогике – настаивает на потенциале молекулярного уровня, на ценности микродискурсов, на коллективной проработке экономии желания. В этом смысле особый акцент будет ставиться на важности «аналитического вектора» социальных противостояний, вплоть до того, что этот вектор способен помочь в устранении этих самых противостояний. По этому поводу Гваттари напишет: «Я убеждён, что классовые противостояния в развитых странах, преобразования в повседневной жизни, все проблемы молекулярной революции не найдут своего решения до тех пор, пока, помимо традиционного теоретизирования, не будет разработана совершенно особая форма и практика теоретизирования, одновременно индивидуальная и принадлежащая массам, которая непрерывно ведёт к коллективного переприсвоению всего, что касается экономии желания. [...] Одновременно с тем, как формулируешь то, что считаешь справедливым, или ввязываешься в борьбу, которую полагаешь целесообразной, становится необходимым развить модель “перехода к Другому”, принятия гетерогенной сингулярности, активистского антипроцесса, каковой совпадает с аналитическим процессом».[10]

История институционалистских движений пройдёт две стадии, поворотной точкой между которыми станет Май 68-го. Первая стадия будет преимущественно французской; конкретная практика на этом этапе осуществляется внутри стен конкретных учреждений (школа, клиника...). После Мая 68-го мы видим, с одной стороны, во Франции тенденцию вновь вписать институциональный анализ в сферу компетенции специалиста (будь то университетские или профессиональные социальные психологи). Институциональный анализ тем самым во многом превращается либо в коммерческий, либо в университетский продукт под покровительством таких фигур, как Жорж Лапассад, Рене Люру и Мишель Лобро. Проблема здесь состоит в возвращении практики, возникшей из динамики социальной самоорганизации и критики, в лоно институции, и – как и в случае с повышением сознательности – в трансформации институционального анализа в формализованный и абстрактный «метод», т. е. прямую противоположность тем заботам, проблемам и тревогам, на основе которых этот анализ и был сформулирован. С другой стороны, за пределами Франции (особенно в Италии и Великобритании) институционалистское движение полностью покинет институциональные рамки – с тем, чтобы подвергнуть критике сами принципы и основы институции. Вместе с контркультурным движением 1970-х это ответвление

институционального анализа поспособствует основанию антипсихиатрии и внешкольного образования. Главными фигурами этого направления станут Иван Иллич, Дэвид Г. Купер и Франко Басаглиа.[11]

Совместное Исследование-Действие

Исследование-Действие, или И+Д (позднее с добавлением буквы С, обозначающей «совместное») родилось как ответ на производственно-техницистскую модель, свойственную Р+И (развитие и исследование). Исследование-Действие представляет собой результат соединения критических школ социологического исследования и педагогики (таких, как народное образование, особенно же теорий и опыта, вдохновлённых «Педагогикой угнетённых» Пауло Фрейре). Этот педагогический опыт приобрёл широкое влияние в Латинской Америке, будучи увязан с процессами образования взрослых и борьбой различных сообществ за улучшение бытовых условий.

СИД стремится соединить исследование и социальное вмешательство с нуждами, знаниями и трудовыми навыками местных сообществ. Оно рассматривает «действие» как главный критерий, обосновывающий любую теорию, и во главу угла ставит практические знания. Объективность этих знаний порождается через коллективное

производство, через межличностный диалог, идущий рука об руку с процедурой, восходящей от конкретных элементов (или реалий) к абстрактной тотальности и затем вновь возвращающейся к конкретному. К тому времени, когда это знание возвращается и вновь применяется к конкретному, оно находится в кристаллизованном состоянии, готовом породить действие (категория объективности преобразуется тем самым в рефлективность и диалогическую ангажированность, включая в себя два принципа, подобно тому, как это происходит в феминистской эпистемологии). Однако не всякое действие обоснованно и действенно само по себе: действие, как ему предстоит возникнуть из процесса СИД, должно быть коллективным и способствовать преобразованию реальности, порождая новую и более справедливую действительность. И это – ещё один ключевой аспект обоснования выработанного знания.[12]

Другой ключевой элемент, отличающий СИД, – это разрыв с традиционными отношениями между субъектом (исследователем) и объектом (исследуемым), типичными в рамках классического социологического исследования. В тот момент, когда признаёшь, что каждый субъект обладает потенциалом к действию, наступает поиск способа совместного исследования, в котором разные субъекты с разными трудовыми навыками и знаниями

находят общий язык в соответствии с этическими критериями. Те субъекты, что не принадлежат исследуемому сообществу или социальной реальности, должны функционировать в качестве катализаторов, но никогда не сверхдетерминировать ситуацию. Это требует абсолютной прозрачности в отношении всех участников исследовательского процесса. А также – постоянного сочленения и обратной связи между техническим/научным знанием (каковое обычно приходит извне) и «народных знаний», уже имеющихся у сообщества. Такой подход позволяет возникнуть динамике формирования и уверенности в себе, а также дискурсивно и рефлексивно объединить те знания, которые обычно не признаются. Что, в свою очередь, требует неусыпного внимания к различным уровням субъективности (такие исследователи, как Томас Р. Вилласанте, выделяют явный, латентный и глубинный уровни субъективности[13]).

СИД возникло как мощное направление в середине 1960-х, связанное с народным образованием и низовым активизмом, зародившихся в антиимпериалистическом и антиколониальном революционных движениях[14]. Хотя чаще всего СИД ассоциировали с Латинской Америкой и народным образованием в духе Фрейре, вскоре стало очевидно, что это общий для Третьего мира инструмент радикальной

самоорганизации[15]. Помимо Латинской Америки, крайне важным местом экспериментов с СИД стала Южная Азия (особенно Индия и Бангладеш), а также различные регионы Африки. Наиболее плодовитые и активные фигуры, с которыми мы встречаемся, прослеживая эту генеалогию: Фалс-Борда из Колумбии, Мохаммед Анисар Рахман из Бангладеш (в настоящее время директор Общества Совместного Действия Азии в Нью-Дели) и Сетембисо Ньони из Замбабве[16]. Именно в этот исторический момент прозвучит утверждение, что «СИД продемонстрировало себя как эндогенное интеллектуальное и практическое творение народов Третьего мира» (Фалс-Борда 1985: 2). Кульминационной точкой для последующей консолидации и обретения международного размаха СИД стал Всемирный Симпозиум, проведённый в колумбийской Картагене в 1977 году[17]. С тех пор широкая традиция СИД разрослась и обрела внутреннее разнообразие.

Именно в этот период подъёма антиимпериалистической борьбы в разных частях Третьего мира СИД пустило свои корни и бросило вызов эпистемологическим основаниям колониальных социальных наук (социологии, антропологии и т.д.). В частности, СИД стало инструментом поддержки социальной борьбы в сельских районах и способствовало организации мощных «крестьянских» движений.

Действительно, сельские районы были тем полигоном, где происходила наиболее впечатляющая работа, но при этом СИД стало ещё и экспериментом по поддержке маргинализованных городских сообществ и их борьбы за пространства повседневной жизни. Именно это соединение СИД и городских социальных волнений способствовало экспериментам с СИД в странах Севера. С конца 1960-х СИД начинает приходить в Европу[18] и Северную Америку[19].

На Иберийском полуострове Исследование-Действие появилось в 1980-х через посредство того, что называлось диалектической социологией, разработанной главным образом Хесусом Ибаньесом, Альфонсо Ортицем и Томасом Р. Вилласанте. В этом историко-географическом контексте (контексте Испанского государства) СИД очень быстро оказалось апроприировано в качестве инструмента государственной кооптации. Действительно, во многих случаях СИД, как формализованный процесс исследования, которое проводит местная администрация или передовая компания, становится инструментом по установлению консенсуса. С его помощью канализируют и утихомиривают любые проявления социальных волнений, особенно в 1980-е, когда «молчаливое большинство» пришло в движение и возникла необходимость заставить его говорить (чтобы лучше этим большинством

управлять). Но точно так же верно и то, что многие элементы СИД послужили источником вдохновения для превращения исследования в орудие преобразования общества[20]. Это, прежде всего, определённые техники и опыт артикуляции способов коллективного действия, вытекающего из анализа ситуации самого практикующего, а также сочетание технического и теоретического знания с другими малыми знаниями (особенно когда это происходит не по «приглашению» государственных учреждений, а как «вторжение» местных сообществ).

Активистское Исследование Вчера и Сегодня

Опрос рабочих и совместное исследование. Расстановка классовых сил и повышение самооценки. Личное и есть политическое. Начинать нужно с себя. Трансверсальность. Микрополитика и экономика желания. Высвобождение высказывания. Линии ускользания. Исследование-Действие. Все эти концепты-инструменты вновь появятся в сегодняшних инициативах, которые стремятся соединить исследование и действие, теорию и практику. То же самое произойдёт со многими вопросами, темами и проблемами, которые мы только что проследили на исторических примерах. Они перекликаются с сегодняшними

инициативами, но не прямо, поскольку контекст радикально изменился. Если описанный нами выше опыт зародился в атмосфере общественного подъёма, связанного с массовыми социальными движениями, то почва, в которую внедряются современные инициативы активистского исследования, выглядит более подвижной, изменчивой, фрагментарной и распылённой. Что же тогда объединяет «старые» и «новые» подходы, кроме ряда высказываний, которые вторые позаимствовали у первых, перетолковав их неортодоксальным образом и превратившись тем самым в их незаконных дочерей?

Попробуем в этом разобраться. Прежде всего, и те и другие черпают вдохновение в материалистическом понимании. Вразрез с разнообразными изводами идеализма и идеологии, эти подходы ищут место встречи вещи и имени, общей вещи и общего имени. Иными словами, вместо того чтобы полагаться лишь на интерпретации, почерпнутые из книг и брошюр (как правило, закосневших), речь идёт о том, чтобы отталкиваться от конкретной реальности, двигаясь от конкретного к абстрактному и всегда вновь возвращаясь к конкретному и возможности его преобразования. Так, во всех этих исследованиях преимущество отводится действию и практике. Не потому, что мы долго объясняли мир, а теперь настало время его изменить (Маркс *dixit*), но

потому, что само объяснение мира всегда связано с определённого рода действием или практикой. И вопрос тогда будет таким: какого рода действием? Тем, которое сохраняет *status quo*, или тем, которое порождает новую реальность?

Во-вторых, понимание конкретных элементов и их взаимодействия осуществляется через посредство чувствующей машины, известной нам под именем тела, – поверхности, где записывается живая и действующая в конкретной социальной реальности субъективность. Поэтому мы вправе сказать, что ещё одним общим моментом является критика любой бесплотной теории, притязающей говорить из якобы нейтрального, всевидящего места высказывания. Нет, отнюдь: мысль с необходимостью проходит через тело, а следовательно, мысль всегда находится в определённой ситуации, переплетена с нею, занимает чью-то сторону. Вопрос, стало быть, таков: на чьей стороне мы находимся или должны находиться? Или по-другому: вместе с кем мы мыслим? С борющимися рабочими, с динамикой социального конфликта и кооперации, с женщинами, с «сумасшедшими», с детьми, с местными сообществами, с подчинёнными группами, с инициативами самоорганизации...

Третий общий элемент – это уверенность, что производство нового знания воздействует и

видоизменяет тела и субъективности тех, кто участвовал в этом процессе. Совместное производство критического знания порождает тела бунтующие. Мысль о бунтарских практиках придаёт самим этим практикам ценность и силу. Коллективное мышление порождает общую практику. Следовательно, процесс производства знания неразрывно связан с процессом производства субъекта, или субъективации, и наоборот. Что толку говорить (приказывать) людям, что они должны думать и как они должны интерпретировать свою жизнь и окружающий мир? Разве подобного рода передача информации способна что-то породить или освободить кого-то? Такая передача слишком поверхностна и с пренебрежением относится к потенциальной встрече между разными сингулярностями и к силе совместного мышления и высказывания. Именно отсюда и возник интерес к соединению исследования и коллективных форм мысли: практики совместного исследования, повышения рефлексивности и практики трансверсальности движутся в этом общем направлении.

И наконец, последний общий элемент, который мы можем выделить, это приоритет целей и процессов над любым формализованным методом. Абстрагированный от контекста и проблем, из которых он возник, метод может превратиться в корсет, препятствующий подлинному взаимодействию между опытом и

мыслью, анализом и практиками преобразования. Он становится своего рода идеологическим экраном, блокирующим любые перемещения и сдвиги, которые могут возникнуть при появлении новых проблем в ходе исследовательского процесса. По сути дела, можно сказать, что активистское исследование способно на место метода поставить реальные операции. В этом смысле активистское исследование является незавершённым путешествием, когда мы знаем отправную точку и с чего оно началось, но не знаем, где оно закончиться.

Фактически, все эти общие элементы, объединяющие эксперименты прошлого и нынешние инициативы, были апроприированы этими последними в гибридных, зачаточных, новых формах. Как уже говорилось выше, контекст сегодня иной. Многие современные формы активистского исследования и исследования-действия возникают как попытки порвать с сектантскими и идентитарными логиками 1980-1990-х (особенно в странах Севера), способных заморозить реальные конфликты. Пытаются они порвать и с характерным для этого «периода заморозков» волюнтаристским аткивизмом, равно как и с его двойником – невозмутимым представлением о знании, удалённом от любого контекста. В ситуации атомизированной социальной реальности, когда даже прочные сообщества, кажется,

распадаются навсегда, а более крупные образования возникают и бесследно исчезают на наших глазах, центральной проблемой становится «переход к Другому», отношения с «Другим»; без них не обойтись, если мы хотим создать общую мысль-действие, выходящую за пределы крохотной группы «нас».

В этом новом контексте можно выделить три тенденции в отношении попыток соединить исследование и активистскую деятельность. У этих тенденций есть точки пересечения, и у каждой – свои особые проблемы. Подводя итог этому вступлению, я приведу их в обобщённом (но и в крайне редуцированном) виде. Это будет своего рода небольшая карта активистского исследования, как оно существует на сегодняшний день[21]:

1) С одной стороны, мы видим ряд экспериментов по производству знания, связанных с изучением или направленных против механизмов господства; эти эксперименты сочетают в себе критику системы «экспертов» с культивированием малых знаний. Тем самым они способны инициировать процессы производства знания, а не господствующую тенденцию индивидуализации и приватизации знаний (чрез механизмы патентов и копирайта или необходимости строить профессиональную карьеру [CV] от собственного имени). В этих рамках мы можем определить коллективное

создание картографий, связанных с процессом мобилизации[22]. Имеет место также сочетание экспертного и малых знаний, осуществляемое такими организациями, как Act UP[23], и более классические, хотя при этом не менее важные начинания, основанные на исследовании с целью создания критического отчёта. Эти последние развиваются активистскими группами, которые вторгаются на те социальные территории, что подвержены особо грубым формам структурного насилия[24]. Прошедшая в январе 2004 года в Барселоне конференция *Investigacció. Jornades de Recerca Activista* явилась важным местом встречи с такого рода опытом[25].

2) С другой стороны, можно выделить ряд инициатив, которые стремятся производить знание, исходя из самой практики социальных преобразований, из их постоянной динамики, с целью поддерживать и распространять эти же самые практики. Каким образом? Виртуозно двигаясь от практики к теории и обратно от теории к практике; это челночное движение иногда начинается с единичной встречи между разнородными субъективностями[26], а иногда его инициируют люди, участвующие в тех же самых практиках, которые они намерены подвергнуть рефлексии[27].

3) Наконец, можно говорить о тех инициативах, для которых исследование является рычагом интерпелляции[ii], субъективации и

политической перекомпозиции. Как? Путём использования механизмов опроса и дискуссионных групп как повода для разговора о Других и между собой, с целью оспорить и поставить под сомнение разобщение, возникающее в сверхфрагментированном социальном пространстве. Эти механизмы можно использовать, чтобы вести речь о своей собственной реальности в поиске общих понятий, её описывающих; в поиске форм сопротивления, сотрудничества и линий ускользания, которые пронизывают эту реальность, наделяя городской материальностью сапатистское предложение «гуляя – спрашивать»[28].

Нечеткие и пока ещё грубые контуры этой картографии нуждаются в критическом взгляде разнообразных активистов-исследователей. Эти линии проводятся на очень конкретном листе бумаги: это контекст богатой, гибридной и виртуозной социальной композиции, контекст, взывающий к преобразованиям и пребывающий в поиске переприсвоения своей собственной способности творить миры. С этой целью данная картография изобретает и налаживает тонкие инструменты, с помощью которых можно исследовать себя и других, исследовать реальность, в которую она (картография) вписана, вгрызаясь в эту реальность и, быть может, её расшатывая. Её сырой материал суть слово, образ и практика отношений.

[1] См. «Общие понятия, часть 1: опрос рабочих, совместное исследование, повышение сознательности» http://transform.eipcp.net/transversal/0406/malo/ru

[2] Jacky Beillerot, “Entrevista a Felix Guattari” in Felix Guattari et al. *La Intervención institucional* [Institutional Intervention] Mexico: Folios, 1981, p. 113 y 111.

[3] Точнее, на занятиях GTPSI-Groupe de Travail de Psicologie et Sociologie Institutionelles, которым в период с 1960 по 1965 годы содействовал Франсуа Токвилль.

[4] Jacky Beillerot, “Entrevista a Félix Guattari”, op. cit., p.103

[5] Об этих формах организации см. Félix Guattari, *Plan sobre el planeta. Capitalismo mundial integraddo y revoluciones moleculares,* Traficantes de Suenos, Madrid, 2004.

[6] Педагогическое движение кооперативных и экспериментальных школ, основанное французским учителем-коммунистом Селестином Фрейне в конце 1920-х. Это движение приобретёт международный размах.

[7] Bureau d'Aide Psychologique Universitaire (Университетские Центры Психологической Помощи).

[8] Jacky Beillerot, “Entrevista a Félix Guattari”, op. cit., p. 96.

[9] *Ibid.,* p. 106.

[10] *Ibid.,* p. 105. Соединение молекулярных революций с подлинно массовой социальной революцией станет проблемой, которая наиболее занимала Феликса Гваттари после Мая 68-го.

[11] Об истории и опыте институционального анализа см. том, подготовленный Хуаном К. Ортигосой *El análisis institucional. Por un cambio de las instituciones,* Campi Abierto Ediciones, Madrid, 1977. Там же помещены статьи Феликса Гваттари и CERFI.

[12] Исследование-Действие разовьёт чёткие связи с французским институциональным анализом, особенно с его «формализованной» версией, разработанной Лапассадом, Люру и Лобро, ключевыми понятиями которой – «анализатор», «трансверсальность» – оно также будет пользоваться.

[13] См. Tomás R. Villasante, “Socio-praxis para la liberación”. Also see Fals Borda, Villasante, Palazón et al. *Investigación-Acción-Participativa,* Documentación Social, 92, Madrid, 1993.

[14] Прим. переводчиков: двух следующих абзацев не было в оригинальном тексте.

[15] Движение СИД на Юге интерпретировалось как контр-власть, учреждающая «восстание подчинённых знаний». См. текст Артуро Эскобара “Discourse and Power in Development: Michel Foucault and the Relevance of his work to the Third World” (1984), Alternatives X: 377-400.

[16] Более подробную информацию см. Orlando Fals-Borda (1985) [1988] *Knowledge and People's Power: Lessons with Peasants in Nicaragua, Mexico and Colombia*. New Delhi: Indian Social Institute; Orlando Fals Borda and Aisur Rahman (1991) *Action and Knowledge: Breaking the Monopoly with Participatory Action-Research*. New York: The Apex Press.

[17] См. Comité organizador del Simposio Mundial de Cartagena (1978) *Crítica y Política en Ciencias Sociales. El Debate Teoría y Práctica:* Bogotá: Editorial Fundación Punta de Lanza (два тома).

[18] В Европе с СИД было связано движение «Мастерская Науки», возникшее в Голландии (см. Michal Sogard Jorgensen 2004 Science Shops. Thinking the Future and Twinning Old/New Shops: Science Shops vs. Universities. Электронный документ: http://europa.eu.int/comm/research/science-society/scientific-awareness/shops_en.html,) и движение *Universidades Populares* в Испании (см. Colectivo Ioé. 2003 Investigación Acción Participativa: Una propuesta para un ejercicio activo de la ciudadanía. Paper presented at Activist Research Conference, Barcelona, www.investigaccio.org).

[19] Два главных центра, посвящённых совместному исследованию-действию и активно действующих сегодня в Северной Америке, это, во-первых, Интернациональный Совет по Образованию Взрослых в Торонто, который возглавляет Бадд Л. Холл. (Холл также является издателем ежеквартального журнала «Convergence», работающего в широком поле образования взрослых и СИД в целом.) В США Хайлендер

Резёч и Образовательный Центр в Теннеси – один из старейших (1932) и наиболее активных, в нём работает такой известный исследователь, как Джон Гавента. Обзор инициатив и центров в США см. в *Community-Based Research in the United States* – отчёте Института Лока, выпущенном в 1998 г.

[20] Превосходный обзор базовых особенностей СИД см. в Elena Sánchez Vigil, "Investigación-acción-participativa" in TrabajoZero, *Dossier Metodológico sobre coinvestigación militante*, Madrid, September 2002, pp. 3-8. Более исчерпывающий анализ контекста, в которым возникло СИД, а также обзор его эпистемологических и методологических оснований, включая любопытные примеры, см. в Luis R. Gabarrón and Libertad H. Landa, *Investigación Participativa,* Cuadernos Metodológicos, n.10, CIS, Madrid, 1994.

[21] Эта картография совпадает с той, что представлена в Sánchez, Pérez, Malo and Fernández-Savater, "Ingredientes de una onda global", cit. Она была создана в Мадриде, а потому носит умозрительный, частичный и предварительный характер. Некоторые увидели в ней таксономию активистского исследования, выявляющую ряд моделей такого рода исследования, из которых следует выбирать. Но она никогда не предназначалась для этих целей. Наоборот, эта глава задумывалась как навигационная диаграмма, знакомящая с практиками (весьма отличающимися друг от друга), включёнными в книгу *Nociones Comunes*, прологом к которой этот

текст является. Таковым прологом, знакомящим читателя с различными практиками, эта глава и остаётся.

[22] Вот некоторые примеры такого типа практики: карты многонациональных сетей, созданные Bureau d'Etudes и Université Tangente (http://utangente.free.fr); карты сопротивления Группы Уличного Искусства, базирующейся в Буэнос-Айресе (http://gacgrupo.ar.tripod.com); карта Форума Культуры 2004 г. в Барселоне (www.sindominio.net/mapas); или картография Гибралтарского пролива (http://areaciega.net/index.php/plain/cartografias/fadaiat/cartografia_del_estrecho), созданная Straits Indymedia (http://estrecho.indymedia.org/index.php) и Red Dos Orillas (Сеть Двух Берегов http://www.redasociativa.org/dosorillas).

[23] Эта организация людей с ВИЧ-инфекцией возникла в США на волне «кризиса ВИЧ». Она обладает сильным влиянием и во Франции. Медицинское знание в этой организации сочетается со знаниями её членов, а также членов их семей и дружеского круга. Более полную информацию можно найти на http://www.actupny.org и http://www.actupparis.org. В Испании можно обнаружить похожие примеры, где сочетаются разного рода знания. В опытах *Laboratorio Urbano* знание урбанистов и архитекторов сочетается со знаниями обитателей тех или иных кварталов и сквоттеров, с тем, чтобы строить городскую жизнь снизу вверх, в контакте с непосредственным опытом

жителей города (http://www.laboratoriourbano.tk). *Grupo Fractalidades en Investigación Crítica* сочетает социально-психологическое знание, знания мигрантов и активистов с целью развития проектов социального исследования (http://psicologiasocial.uab.es/es/node/193.

[24] Вот некоторые примеры в Испании: *Ecologistas en Acción* (http://www.ecologistasenaccion.org) и коллектив *AlJaima*, работающий в районе Гибралтарского пролива.

[25] См. http://www.investigaccio.org.

[26] Весьма интересный эксперимент был осуществлён Colectivo Situaciones в ходе их сотрудничества с различными контр-властными инициативами в Аргентине. (Эта глава доступна по-английски на http://www.ephemeraweb.org/journal/5-4/5-4index.htm.) Другие примеры – это семинары и круглые столы, организованные Университетом Малоимущих в США (http://www.universityofthepoor.org), и опросы и интервью, проведённые журналом *DeriveApprodi* (http://www.deriveapprodi.org).

[27] Это произошло бессистемно в Социальных Центрах – центрах сквоттеров и коммун – в Италии и Испании.

[28] Разнообразные эксперименты *inchiesta* и *coricerca*, осуществлённые в Италии, помещаются в этих рамках. См. такие журналы как *DeriveApprodi* и *Posse*, а также инициативы немецкого коллектива

Kolinko, занимавшегося интервью по телемаркетингу (http://www.nadir.org/nadir/initiativ/kolinko/engl/e_index.htm). В этих же рамках можно понимать и ряд примеров в Испании: исходные траектории *Precarias a la Deriva* в процессе их исследования-действия в связи с прекаритетной работой/жизнью, см. http://www.sindominio.net/karakola/precarias.htm); *Colectivo Estrella* с их интервью о прекаритете и антивоенной мобилизации (см. http://www.nodo50.org/tortuga/article.php3?id_article=2939); и *Entrásito* с их работой по изучению и агитацией среди мигрантов и прекаритетных рабочих (см. http://estrecho.indymedia.org/newswire/display/7778/index.php).

---

[i] Трансверсальность – термин, разработанный Феликсом Гваттари в диалоге с Жилем Делезом. Термин заимствован из топологии, где означает пересечения пространств, в противоположность их отношениям по касательной. Простейшим примером может служить пересечение двух дугообразных кривых на плоскости. В плане теоретизирования Ф. Гваттари трансверсальность, в самом общем смысле, означает различные способы неиерархической организации, которая пересекает отдельные страты, жестко структурированные бинарные противоположности. В книге «Психоанализ и трансверсальность» (1972) Гваттари дает такое определение: «Трансверсальность – это измерение, которое пытается преодолеть тупики

чистой вертикальности и простой горизонтальности: она достигается в тенденции, когда возникает максимальная коммуникация между различными уровнями, и, прежде всего, в разных направлениях». – Прим. ред.

[ii] Интерпелляция – термин, впервые предложенные французским философом-марксистом Луи Альтюссером в работе «Идеологические аппараты государства» (1969). Интерпелляция – это способ, которым идеология «запрашивает» индивида в качестве (своего, подчиненного) субъекта. Ярким примером интерпелляции для Альтюссера была ситуация, когда полицейский или иной представитель «идеологических аппаратов государства» окликает идущего по улице («Эй, ты!»), и тот, оборачиваясь, признает себя в качестве искомого субъекта. В данном случае М. Мало де Молина, очевидно, использует этот термин в ином смысле: речь идет не о производстве субъективности идеологическими аппаратами, а, скорее, об освобождении от их «запросов» и «окликаний» через процедуры критического знания. – Прим. ред.